

CONGRESSUS DECIMUS INTERNATIONALIS FENNO-UGRISTARUM

Joshkar-Ola 15.08. – 21.8.2005

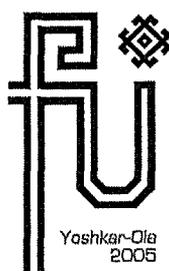
Pars III

Summaria acroasium in sectionibus

Folkloristica & Ethnologia

Litteratura

Archaeologia & Anthropologia & Ethnic Historia

Joshkar-Ola, 2005

ББК 63
УДК 93/99
Т 13

Редакционная коллегия: *К.Н. Сануков*
И.С. Галкин
И.Г. Иванов
О.П. Воронцова

Т 13 **Тезисы секционных докладов X Международного конгресса финно-угроведов: Фольклористика и этнология. Литературоведение. Археология, антропология, этническая история: III часть / Мар. гос. ун-т. – Йошкар-Ола. – 2005. – 300 с.**

ISBN 5-94808-185-0

Третий том серии публикаций X Международного конгресса финно-угроведов включает тезисы выступлений по фольклористике и этнологии, литературоведению, археологии, антропологии, этнической истории; тексты выступлений на симпозиумах и круглых столах. В нем содержатся тексты, посвященные различным вопросам финно-угроведения.

ББК 63
УДК 93/99

ISBN 5-94808-185-0

© X Международный конгресс финно-угроведов, 2005
© ГОУВПО «Марийский государственный университет», 2005

помогают сохранению и развитию, национальной культуры, укреплению этнического самосознания.

Литература на карельском языке стала составной частью многонациональной культуры Республики Карелия и всей России.

Виктор ШИБАНОВ

Ижевск

Семиотические проблемы литературного этнофутуризма

Теория этнофутуризма, которая в последние годы разрабатывается довольно интенсивно, сталкивается с решением ряда семиотических проблем. Остановимся на некоторых из них.

О семантике термина. В критике «этнофутуризм» употребляется в нескольких значениях. Прежде всего он обозначает направление, в котором актуализируются фольклорно-мифологические сюжеты (Ф. Ермаков, А. Ермолаев), при этом оказывается, что к этнофутуристам можно причислить многих писателей 1920–30-х гг. Вряд ли можно согласиться с такой трактовкой, ибо обращение к фольклору характерно всем литературам почти всех времен. В других случаях «этнофутуризм» означает метод, пришедший в конце 1980-х гг. на смену социалистическому реализму и в какой-то мере противостоящий ему (Кари Салламаа, Атнер Хузангай). И третье наиболее узкое значение – это та культура этнического содержания, которая напрямую выходит на диалог с постмодернизмом (Пирет Вийрес, Кари Салламаа, Андрес и Отт Хейнапуу). В данном случае перед нами не просто обращение к фольклору, не просто отказ от принципов соцреализма, а полемический диалог архаической мифологии с мифами глобализации. Было бы целесообразно закрепить за «этнофутуризмом» третье значение, ибо как бы ни трактовали этот термин, без полемики с постмодернизмом он лишается идеологического и эстетического смысла, своей сути как таковой.

О демифологизации и ремифологизации. Этнофутуризм не претендует на исключительность в том, что он актуализирует фольклорно-мифологический материал. Предыдущая, советская, литература тоже обращалась к этническим сюжетам и сама создавала свои мифы, в большей части утопические (о них правомернее говорить как о вторичной мифологии). Исходя из этого, если литература соцреализма – это демифологизация архаических мифов и ремифологизация утопических, то культура этнофутуризма, наоборот, это демифологизация утопической и ремифологизация архаической мифологии.

Логические операции между архаико-мифологическим и постмодерным началом. Логические операции, которые возможны в сюжете литературного текста между архаико-мифологическим началом (обозначим А) и современно-постмодерным (обозначим В), могут включать в себя четыре типа отношений:

1. А и В не пересекаются, в тексте или фрагменте текста налицо пустое пересечение чаще характеризующееся рационалистическими объяснениями архаико-мифологического начала.

2. А и В пересекаются.

3. А включает в себя В или, наоборот, В включает в себя А.

4. А и В совпадают, накладываются друг на друга, образуя логическую операцию тождества (взаимное наложение друг на друга двух элементов – архаико-мифологического и постмодерного), образуется «сумеречное» совпадение. В этом случае читатель постоянно сомневается – актуализируется ли архаико-мифологический сюжет или же реалистический.

О трех «логиках». На первый взгляд кажется, что в этнофутуризме следует различать две противоположные логики: одну для мифа (имагинативная, по Я. Голосовкеру), которая сводилась бы к эпистемологии ментальности, другую для реализма и постмодернизма, которая, в отличие от первой, была бы диалектической или, если угодно, постдиалектической. Но это «в отличие» тут же требует третьей логики, чтобы согласовать смысл первой со смыслом второй. Здесь мы опять сталкиваемся с одной из семиотических проблем этнофутуризма. Очевидно, что в лучших этнофутуристических произведениях (не только в литературе, но и в живописи, ткачестве, музыке) одновременно разворачиваются, по крайней мере, два сюжета (точнее, два дискурса) и требуют такого прочтения, где накладываются друг на друга несколько интерпретаций. И логически согласовать их друг с другом – задача вдумчивого читателя и исследователя.

Об интертекстуальных аспектах. Как убеждает современная наука, художественный текст во все времена напоминал собой ткань, сотканную из старых цитат, хотел этого сам автор или нет. Тексты предшествующей культуры и окружающей культуры, так или иначе, находят отражение в новых текстах. Теория *интертекстуальности* (как вхождение компаративистики в контекст современной семиотической культурологии) дает возможность изучить в контексте этнофутуристических текстов не только синтез архаико-мифологических и постмодернистских традиций, но и диалог с русской и европейской литературой, а также региональный пласт, восходящий к развитию культуры Поволжья и Приуралья последних столетий.

Александр ШКЛЯЕВ

Ижевск

Удмуртская литература в контексте мифологии

Мифологическое прочтение финно-угорских литератур оказывается весьма продуктивным, что обусловлено их близостью к своим фольклорным истокам, религиозной символике, а также тем, что литература вообще находится под влиянием мифологем и сама принимает участие в их создании. На путях взаимодействия с мифологией удмуртская литература прошла три периода. Первоначально она насквозь мифологична: именно поэтому в советские атеистические времена за литературу не признавались ни клерикальные произведения, ни записи устной народной словесности. Затем литература сознательно отталкивается от мифологии, не замечая, что сама творит новые мифы. Третий период характерен сознательным использованием мифологических образов.

Мифологический ключ применительно к литературе помогает реабилитировать целые ее пласты. Первые удмуртские писатели сами вышли из среды, которая была основана на традиционных мифах, и их произведения настолько мифологичны, что могут рассматриваться как этнографические и фольклорные источники. Мифологическое решение приходило поэтам и тогда, когда трудно было найти какое-либо творческое воплощение трагическому сюжету. Мифологическое сознание было благодатной почвой для нового мифотворчества, в т.ч. в литературе.

Под влиянием научно-технического прогресса мифология исчезает, но она остается в снятом виде как конструктивный субстрат, как способ осмысления новой действительности. Вместе с литературой, подвергающей критике традиционные мифологические представления, в советскую эпоху зарождается новая, коммунистическая мифология с культом вождя, с мотивом жертвы для него, с мотивами ожидания скорого счастливого будущего и ухода от темного прошлого. Но парадокс заключается в том, что мифологизм отражается на внутренней структуре и самой что ни на есть современной литературы, которая отмахивалась как от языческой, так и от христиан-